

Новикова И.Н.

ДОНЕСЕНИЯ ВОЕННЫХ АТТАШЕ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ АНТАНТЫ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В СКАНДИНАВИИ (1914–1917 ГГ.)¹

Трудно найти другую такую область жизнедеятельности, в которой систематические попытки государства изучить положение в соседних странах являлись бы такими древними, как в военной сфере. Это касается не только шпионажа, но также и легальных каналов поступления информации об иностранных государствах. Сбор, обработка и передача информации долгое время являлись прерогативой дипломатов. С созданием массовых армий и развитием военной техники, дипломаты были уже не способны эффективно решать эту задачу. С начала XIX века великие европейские державы ввели в свои иностранные представительства институт военных агентов или военных атташе [8, с. 160]. Россия не являлась в этом новом деле исключением. Институт военных агентов появился здесь практически одновременно с другими великими державами. Развитие военной мысли и усовершенствование военной техники привело к разделению военных агентов согласно их специализации. Наряду с военными агентами, с 1857 г. в России появился также институт военно-морских агентов – официальных представителей государства за границей, в задачу которых входило сообщение сведений об иностранных флотах [2, с. 165]. Военные агенты занимали по своему статусу и функциям промежуточное положение между карьерными дипломатами и офицерами. Как официальных представителей военного ведомства за рубежом, их называли «дипломатами в погонах». В иерархии рангов они заняли место вслед за временными поверенными, соответствуя уровню советника или первого секретаря миссии.

В общественном мнении существовало представление, что военный агент – это «официальный шпион» [3, с. 435]. Но это было далеко не так. Главной задачей военных агентов являлось всестороннее изучение военного устройства и могущества государств аккредитации, сбор и обработка полных и точных своевременных сведений о современных силах и средствах иностранных государств». Военные агенты были также обязаны следить за всеми изменениями в вооруженных силах и за усовершенствованиями военной техники [4, с. 449]. Особенностью нового периода развития института военных агентов в начале XX века стало усиление общественно-политической составляющей в информационно-аналитических материалах, направленных ими в центральные военные ведомства, тогда как ранее их деятельность была во многом ограничена сбором военно-технических данных и передачей салонных сплетен [7, с. 33]. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать значение информационно-аналитической работы военных агентов для изучения экономического противоборства в Скандинавии периода Первой мировой войны.

В воспоминаниях А.А. Игнатьева дана краткая, но точная характеристика роли и значения Скандинавии для интересов России в Европе. Тогдашний руководитель Генштаба Ф.Ф. Палицын перед вступлением Игнатьева на должность военного агента в Дании, Швеции и Норвегии, отметил: «А, впрочем, самое главное – это там», указав с присущей ему невозмутимостью на северный край висевшей на стене громадной карты Европы. «Да, да. Все будущее там!» [3, с. 301–302]. И хотя эти слова руководителя Генерального штаба относились к 1908 г., значение Скандинавии для интересов России с началом Первой мировой войны заметно возросло.

Во-первых, возросло экономическое значение Скандинавских нейтралов. Война 1914–1918 г. стала первой тотальной войной. И победа в ней определялась не только военными успехами. Война испытывала на прочность экономический фундамент государств. Победить в этой войне была способна лишь та коалиция государств, которая лучше приспособилась к затяжному характеру войны и обладала большими экономическими ресурсами. В условиях ожесточенного военного противостояния скандинавские нейтральные государства приобрели особое значение. Они взяли на себя роль перевалочных пунктов в экономическом обеспечении воюющих сторон. Скандинавские нейтралы стали своего рода отдушиной, через которую воюющие государства, могли получать необходимые для ведения войны материалы и стратегически важное сырье. Так, несмотря на разрыв экономических отношений, Россия, с помощью такого явления, как контрабанда, продолжала получать товары германского, а Германия – российского происхождения. Кроме того, немецкая подводная война и контроль западной части Балтийского моря сделали невозможным балтийскую торговлю России. Для связи с союзными державами в Европе оставались лишь два пути: северный путь через Архангельск и транзит грузов через территории скандинавских нейтралов.

Во-вторых, Скандинавия приобрела особое значение как своего рода «окно» с мир противника. Скандинавские страны стали ключевым плацдармом тайной агентурной деятельности российской разведки против Германии. В данной связи Дания служила основной базой для секретных операций России против Германии. Наконец, возросло стратегическое и геополитическое значение скандинавских нейтралов для обеспечения безопасности российской столицы. В этих условиях должность воен-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00617, <https://rscf.ru/project/23-28-00617/>.

ного агента в трех северных столицах рассматривалась руководителями Главного управления Генерального штаба как одна из ключевых с точки зрения получения информации о планах великих держав на европейском Севере и в Балтийском регионе. Наряду с хорошими специалистами в своем прямом деле, военные агенты должны были обладать прекрасными аналитическими способностями и выполнять прогностическую функцию по отношению к развитию вверенного их глазам региона. Из простого «собирателя информации» военный агент становился ее обработчиком, транслятором и в какой-то мере предсказателем возможного развития событий. Не случайно на этот пост назначались лица, близкие к скандинавским народам по происхождению и религии (лютеране), либо выходцы из северных губерний России, владевшие, как правило, скандинавскими языками.

В период Первой мировой войны военным агентом России в странах Скандинавии был полковник Дмитрий Леонтьевич Кандауров, военно-морским агентом – капитан 1 ранга Владимир Арсеньевич Сташевский. Усложнение задач, решаемых военными агентами в Скандинавии, привело к тому, что с 1916 г. помощник Сташевского в Дании капитан 2 ранга Борис Сергеевич Безкровный стал военно-морским агентом в Дании, другой его помощник – старший лейтенант Павел Петрович фон Веймарн занимался преимущественно Норвегией и находился в столице Норвегии – Христиании. Сташевский, Кандауров и Веймарн продолжали работать в Скандинавии и после прихода к власти правительства большевиков. Они были отправлены в отставку в 1918 г., чуть раньше, в декабре 1917 г., за отказ вернуться в Россию был лишен чина и уволен из флота Б.С. Безкровный, ключевая фигура в русской военной разведке в Дании и северной Германии.

Центральным вопросом аналитической работы для военных атташе был вопрос о том, удастся ли Скандинавии сохранить нейтралитет в пожаре мировой войны. При этом особую тревогу на берегах Невы вызывала позиция Швеции. С 1908–1909 г. в разработках ГУГШ и Генерального морского штаба Швеция считалась потенциальным противником России в Балтийском регионе, но при этом российские военные аналитики рассматривали не столько самостоятельное выступление Швеции в случае военного конфликта на Балтике, сколько действия Швеции в союзе с Германией [6, л. 6]. Российские дипломаты в погонах» ожидали от Швеции в первые дни войны, как об-разно заметил В.А. Сташевский – «всяких сюрпризов» [5, д. 3991, л. 63–64].

Степень недоверия Петрограда к позиции Стокгольма была действительно высокой на протяжении войны. Военно-морской агент Сташевский сравнивал политику Швеции с капризной женщиной, которая в любую минуту может изменить свое мнение в ту или другую сторону». Он был уверен в том, что Швеция сдерживалась исключительно только двумя людьми – премьер-министром Я. Хаммаршельдом и министром иностранных дел К. Валленбергом. «Умри сегодня эти два человека и завтра Швеция выступит против нас» [5, д. 3991, л. 90] – утверждал он в одном из своих донесений. Военный и военно-морской агенты Кандауров и Сташевский не раз сообщали в течение войны, что вступление Швеции в войну против России практически неизбежно. Если сравнить донесения дипломатических и военных представителей России в Скандинавии, то можно сделать вывод о том, что военные атташе были настроены более воинственно, чем дипломаты. Дипломаты, в силу своей профессии, искали возможности для мирного разрешения конфликта, военные представители империи были более склонны к вооруженному пути разрешения конфликта. Однако России нужна была нейтральная Скандинавия, тихий уголок мира в бушующем пламени войны.

Наиболее слабым звеном русской военной аналитики являлось изучение экономических отношений. Как вспоминал граф Игнатъев, «в сущности о значении экономики в политике даже во время войны все наше поколение имело тогда самое слабое понятие» [3, с. 431]. Однако донесения военных агентов дают все же некоторое представление о масштабах военной контрабанды в Скандинавии – вопросу наиболее трудному для исследования. Это тем более важно, что о военной контрабанде немного говорят в своих донесениях профессиональные дипломаты и торговые представители России. Донесения военных агентов, в частности, показывают, что перевозкой контрабанды занимались скандинавы, имевшие деловые отношения с российскими партнерами. Так, братья Эхкольм, жившие долгое время в России, занимались перевозкой контрабанды из Швеции в Россию и наоборот. Однако в начале августа 1916 г. произошел неприятный инцидент. У некоего Захарченко, который вез из Парижа в дипломатической почте лекарства для правительственных госпиталей, в пограничном пункте Хапаранда разорвалась посылка – и лекарства немецкого происхождения высыпались на пол перед изумленными таможенниками. Разразился скандал [6, д. 7447].

Не отставали от коммерсантов и российские военные агенты. К примеру, военно-морской агент Сташевский сообщал, что «широко занимается контрабандой». Он отправлял медикаменты и термометры немецкого происхождения в Россию. Еще дальше пошел Кандауров. С его помощью в Санкт-Петербург выехал шведский предприниматель Магнус Мейер, который с собой вез две корзины гранат, оклеенных дипломатическими бланками и печатями [6, д. 4469, л. 15]. Время от времени Кандауров должен был проявлять и предпринимательские качества, правда, не всегда удачно. Он покупал бинокли в Швеции и Дании для российской армии. Когда информация просочилась

в шведские газеты, был большой переполох, но позднее выяснилось, что весь этот шум устроили конкуренты, у которых военный агент отказался купить бинокли по более высокой цене. Дело чуть было не дошло до отзыва Кандаурова [6, д. 4469, л. 87]. Тем не менее Кандаурову и его помощнику в Дании Потоцкому удалось к сентябрю 1916 г. приобрести в Швеции 2600 биноклей и 25 биноклей в Дании. На эти цели было израсходовано 577 628 крон [6, д. 5990, л. 2, 10].

Донесения «дипломатов в погонах» также дают представление о масштабах размещения заказов военного и военно-морского ведомств в Скандинавии и транзите военных грузов. Военное ведомство заказывало в Швеции запчасти для автомобилей, станки, приборы, запчасти для кораблей, детали для аэропланов, специальную сталь для взрывателей, двигателя, стволы для винтовок. Датчане и шведы предлагали нашим военным агентам отравляющие вещества и многое другое. Россия получала из Швеции даже подковы для лошадей. Осенью 1915 г. в Швеции было изготовлено 150 тыс. заказанных ружейных стволов, которые вывозились в компенсацию за вывоз зерна и бобов на 2 млн 500 тыс. крон. Это была контрабанда, шведское правительство не могло дать согласие на ее вывоз, но смотрело сквозь пальцы на выгодную для страны сделку [5, д. 1417, л. 85--86]. Другой пример, шведский завод Хускварна изготовил первый заказ на 20 тыс. черновых стволов к маю 1916 г. В качестве компенсации за ввоз этого дефицитного товара Россия отправляла заводу паклю. К 1 сентября 1916 г. завод Буфорс для Петроградского трубного завода 30 тыс. пудов стали, 1 тыс. 500 тонн стали для АО Сименс-Шуккерт, 500 тонн стали для завода «Динамо». Фирма «Франк-Гирш» изготовила 101 станок для Трубного завода, завод «Центрифуг» для этого же завода изготовил 200 тыс. штук взрывателей. Статистику по военным поставкам мы также можем обнаружить и проанализировать, используя донесения военных агентов [6, д. 5987, л. 44, 112]. Донесения военных агентов также содержат интересные сведения, касающиеся транзита грузов союзников через Скандинавские страны.

Успех работы военного агента во многом зависел от того, насколько он знал нравы, обычаи и менталитет жителей стран аккредитации. В донесениях военных агентов мы можем также обнаружить ценные замечания о сформировавшемся образе скандинавов в восприятии русской военной аналитики. В донесениях военно-морского агента шведы были представлены как «страшные снобы, которые никак не могут примириться с положением маленькой страны, живут прошлым и учат в школах детей, что Россию ... надо ненавидеть». Шведы способны только лишь на то, чтобы устраивать всяческие трудности для России. В отличие от шведов, датчане и норвежцы были более симпатичными для «дипломатов в погонах». Особые симпатии вызывали при этом норвежцы – «сильный и демократичный народ». Военным атташе импонировало в норвежцах то, что они «прямо-таки ненавидят немцев», что они «ни при каком случае не выступят против России», более того, норвежцы удивляются, что Россия так снисходительно смотрит на все гадости, которые делает Швеция по отношению к России в смысле торговли. Что касается Дании и датчан, их российские «дипломаты в погонах» считали дружественными по отношению к России, но слишком гибкими и расчетливыми. В случае немецкого давления от них не ожидалось никакого сопротивления могущественному соседу.

В целом, донесения военных агентов в Скандинавии являются ценным источником для анализа экономического противоборства между Антантой и Центральными державами, а также российско-скандинавских отношений периода Великой войны. Содержащаяся в них информация дополняет сведения дипломатических и торговых представителей России в Скандинавии, причем, в тех вопросах, которые освещались профессиональными дипломатами и торговыми представителями менее глубоко. К числу этих вопросов принадлежат, проблема союзнического транзита, военной контрабанды и др. Донесения также свидетельствуют о том, что военные аналитики постепенно стали соперничать с дипломатами в степени информированности по наиболее острым проблемам внутриполитической жизни скандинавских стран. Более разнообразными стали каналы получения военными агентами информации. В «большую политику» оказались вовлеченными представители новых для традиционной дворянско-монархической дипломатии социальных слоев – крупные банкиры, предприниматели, общественные деятели. Это давало взаимодействующим с ними «дипломатам в погонах» возможность существенно расширить поле своей деятельности. Несмотря на отказ военного ведомства вмешиваться в политические вопросы, довольно отчетливо проявилось стремление высших военных кругов к более полной информированности по проблемам международных отношений и общим задачам внешней политики России [7, с. 33]. Противники России довольно высоко оценивали деятельность российских военных агентов в Скандинавии. Глава немецкой военной разведки В. Николаи, например, считал, что в Скандинавских странах, только британская военная разведка могла соперничать с российской по степени эффективности своей работы в условиях, когда последняя «курировала» также северную Германию.

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 138. Оп. 467. Д. 420. Л. 158–161.

2. Военно-морская разведка в Первой мировой войне. Комментарии В.А. Петрова // Русское прошлое. Книга 8. – СПб., 1998. – С. 165–202.

3. Игнатьев, А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатьев. – М., 1955. – Т. 1. – 597 с.

4. Инструкция военным агентам и лицам их заменяющим от 5.08.1912 // Сергеев, Е. Не подлежит оглашению... / Е. Сергеев, А. Улунян. – М., 2003. – С. 449.
5. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. 418. Оп. 1. Д. 3991, Д. 1417.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3284, Д. 4469, Д. 7447, Д. 5990.
7. Сергеев, Е. Не подлежит оглашению... / Е. Сергеев, А. Улунян. – М. Реалии-Пресс, 2003. – 480 с.
8. Böhme, K-R. Deutsch-schwedische Militärbeziehungen 1918-1932 / K-R. Böhme // Nicht nur Strindberg. – Stockholm, 1979. – S.160–173.

Жучкова С.В.

**ЭГО-ДОКУМЕНТЫ БЕЖЕНЦЕВ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918 ГГ.)
В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ**

Первая мировая война повлияла на судьбы миллионов людей и вызвала значительные перемещения населения из прифронтовой полосы. В Российской империи, вступившей в войну на стороне Антанты, проблема беженцев затронула, в основном, население западных губерний. После Горлицкой операции (19 апреля – 9 июня 1915 г.) российское командование совершило стратегический отход из центральных районов Польши, что стало причиной массовой эвакуации населения. Ввиду сжатых сроков отступления организовать эвакуацию населения на ее начальном этапе было сложно, что вынудило власти прибегнуть к тактике «выжженной земли».

Военные и гражданские власти выселяли население, имущество и посевы были уничтожены, лошади и крупный рогатый скот реквизировались [25, с. 130]. Беженцами стали не только жители близлежащих белорусских уездов, но и польские крестьяне из Холмской и Люблинской губерний, высланные в принудительном порядке военными властями. В июле 1915 г. на участке пути Кобрин-Пружаны-Барановичи находилось около 400 тыс. беженцев. С 31 июля по 15 августа 1915 г. из-под Кобрина вглубь страны было отправлено около 100 тыс. человек [24, с. 71]. Беженцы забирали с собой все, что можно было погрузить на воз, некоторые крестьяне продавали имущество. В многокилометровых составах беженцы везли продукты, одежду, зерно и сельхозинвентарь. За возами часто следовали одна или две коровы. Места для людей не было, поэтому даже старики и дети часто шли пешком. Часто имущество и крупный рогатый скот приходилось оставлять на железнодорожных станциях [1, с. 7].

Закон «Об обеспечении нужд беженцев» был принят лишь 30 августа 1915 г., его 1 статья гласила: «Беженцами признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо высланные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств» [14, с. 2].

Проблема беженцев привлекла внимание многих исследователей, данная тема достаточно полно раскрыта как на общероссийском, так и на региональном уровне. Однако в связи с недостаточной источниковой базой история пребывания беженцев в Царевококшайском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии изучена скудно и рассматривалась с точки зрения взаимодействия органов государственной власти в статьях Е.А. Поповой и Н.А. Лукиных [20], Г.В. Рокиной [23], в электронном сборнике документов «Марийский край в годы Первой мировой войны» [21]. Некоторые источники личного происхождения по истории Первой мировой войны в Марийском крае приведены в статьях Л.Н. Комелиной [18] и А.Н. Кудрявцева [19].

В фондах Государственного архива Республики Марий Эл сохранился важный тип источников, позволяющий взглянуть на проблему беженцев глазами реальных людей – эго-документы. Под эго-документом в исследовании, пользуясь классификацией немецкого исследователя Винфреда Шульце, понимается историческое свидетельство, в том числе, которое писалось по требованию административных, судебных или финансовых органов, в которых можно «услышать» голос человека, рассказывающего о себе [15].

Исходя из этого, статья посвящена анализу эго-документов беженцев западных губерний Российской империи в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.), сохранившихся в фондах Государственного архива Республики Марий Эл. Автором статьи были поставлены задачи по выявлению эго-документов в архивных фондах, определению исторических условий создания, степени полноты, достоверности, субъективности источников, что позволит воссоздать условия жизни беженцев на территории Марийского края, как их увидели участники исторических событий. Территориальные рамки исследования обусловлены сохранностью документов и ограничены Царевококшайским и Козьмодемьянским уездами Казанской губернии.

Согласно регистрационным карточкам Царевококшайского уездного комитета Всероссийского земского союза, первые партии беженцев прибывали в Царевококшайск с 30 августа 1915 г. из Холмской и Гродненской губерний, встречаются единичные беженцы из Львовской, Виленской и других губерний [2].